

Ю.Н.РЕРИХ

ПО ТРОПАМ
СРЕДИННОЙ АЗИИ

УДК 950:910.2
ББК 63.3 (5)
Р42

Рерих Ю.Н.

По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха / Пер. с англ. И.И.Нейч, А.Л.Барковой – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2012. – 780 с.: 290 ил., карт.

ISBN 978-5-86988-246-2

Р42 Книга выдающегося русского ученого-востоковеда и путешественника, крупнейшего энциклопедиста и просветителя XX века Юрия Николаевича Рериха (1902–1960) представляет собой подробную летопись научно-художественной Центрально-Азиатской экспедиции академика Н.К.Рериха (1923–1928), которая явилась одним из ключевых моментов духовно-культурной эволюции человечества.

Впервые опубликованная в 1931 г. на английском языке, она была оценена на Западе как «важная веха в истории ориенталистики и выдающийся вклад в достижения цивилизации» и скоро стала библиографической редкостью.

Данное издание, подготовленное к 110-летию со дня рождения выдающегося ученого, впервые знакомит российского читателя с полной версией перевода с соблюдением особенностей авторского стиля.

Являясь обширным сводом сведений из самых разных областей знания и в то же время захватывающим описанием событий, сопровождавших экспедицию, книга представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 950:910.2
ББК 63.3 (5)

На фронтисписе: Николай Константинович и Юрий Николаевич Рерихи.
Сикким. 1924 г.

ISBN 978-5-86988-246-2

© Международный Центр Рерихов, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
I. Кашмир – Ладак.....	13
II. Из Леха в Хотан. Великий Каракорумский торговый путь	59
III. Хотан.....	91
IV. Хотан – Кашгар.....	117
V. Великий северный торговый путь в Урумчи.....	141
VI. Урумчи и Джунгария	171
VII. Монголия.....	191
VIII. Организация экспедиции.....	251
IX. Урга – Юм-бэйсэ хурэ	265
X. Через Юго-Западную Гоби.....	291
XI. Джа-лама, воинственный монах	323
XII. Среди монголов Цайдама.....	339
XIII. Через Цайдам.....	373
XIV. Великое Тибетское нагорье	397
XV. У врат Тибета. Задержание в Чунаркэне и гибель каравана.....	427
XVI. Хоры и их страна.....	467
XVII. Нагчука.....	521
XVIII. Область Великих Озер. Нагчу-дзонг – Сага-дзонг.....	553
XIX. Из Сага-дзонга в Сикким.....	611
По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции. Живопись и графика Николая Рериха.....	669
Список иллюстраций	725
Горный путь. Центрально-Азиатская экспедиция и книга Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии». <i>О.А.Лавренова</i>	731
Указатель имен.....	745
Указатель географических и топографических названий	757
Глоссарий	773
Annotation.....	777

Срединная Азия с ее высокими горными цепями и бескрайними пустынями и степями, страна значительных климатических колебаний и колыбель отважных кочевых племен, сотрясавших некогда границы Китая и стран Ближнего Востока, всегда была бесконечно притягательной для исследователя. В прошлом целая плеяда блестящих ученых развернула борьбу за возможность свершения географических открытий в запретных землях Азии. Повествование об их достижениях является одной из самых захватывающих страниц в истории подобных исследований. Эти люди не только добывали ценные научные сведения и открывали новые области планеты во имя прогресса человечества; они поддерживали тот дух приключений, которому наша цивилизация обязана своим распространением. Их пример позволил другим исследователям продолжить рискованное и опасное дело покорения далеких и неизведанных земель.

Во Внутренней Азии мы можем обследовать одну из величайших горных систем мира; странствовать месяцами через безводные песчаные и каменистые пустыни и нагорные равнины; изучать следы культуры прошлого, которая когда-то связывала Древний Китай со странами бассейна Средиземного моря.

Срединная Азия, эта обширная область замкнутых водных бассейнов, ограждена на юге громадными Трансгималаями и пустынными нагорьями горной системы Каракорума. Ее северную границу образуют Алтай и горные цепи вдоль южной окраины Сибирской низменности. На востоке и западе этот громадный внутренний бассейн переходит в бескрайние пространства пустынь и степей, включая Центральную Монгольскую Гоби и степные зоны Русского Туркестана.

Эта внутренняя область Азиатского материка была пройдена и исследована Рериховской Центрально-Азиатской экспедицией, возглавляемой профессором Николаем Рерихом, в течение почти пяти лет без перерывов. Основная цель экспедиции заключалась в создании живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии; об уникальном достижении этой цели свидетельствуют 500 картин профессора Рериха, привезенные из экспедиции и представленные в постоянной экспозиции Музея Рериха в Нью-Йорке.

Вторая задача экспедиции состояла в разведке существующих возможностей для новых археологических изысканий, позволяющей наметить направление будущих предприятий в этой области.

Третьей задачей являлся сбор обширного этнографического и лингвистического материала, иллюстрирующего культуру этих районов. Во время длительного путешествия по Тянь-Шаню, степной зоне Джунгарии, Алтаю, горам Юго-Западной Монголии и Тибетскому нагорью экспедицией были обследованы бесчисленные археологические памятники, и остается надеяться, что в будущем другая экспедиция будет достаточно оснащена для проведения масштабных раскопок обширных могильных курганов, оставленных кочевыми племенами и восходящих к периоду между I и VIII веками нашей эры. Во время пребывания экспедиции в Монголии и Тибете была собрана большая коллекция тибетских и монгольских книг.

Отправляя эту экспедицию на полевые исследования, попечители Музея Рериха сознавали насущную необходимость активного участия американцев в той работе, которая на протяжении нескольких десятилетий привлекала внимание выдающихся ученых Великобритании, Франции, Германии, Японии и России.

Экспедиция покинула Нью-Йорк в мае 1923 года и в декабре того же года прибыла в Дарджилинг в Британском Сиккиме. Здесь была создана база экспедиции и совершено несколько поездок по Сиккиму. Весь 1924 год прошел в Сиккиме, в подготовке к более масштабному путешествию во Внутреннюю Азию. Отправляясь в это странствие, в котором требовалось постоянное взаимодействие с местными жителями, было необходимо основательно овладеть разговорным тибетским языком. Повествование в настоящей книге начинается с момента выхода экспедиции из Дарджилинга.

В течение пяти лет напряженной полевой работы экспедиции автор не раз воспользовался помощью и советом друзей, и за столь охотно оказанное содействие рад выразить здесь свою признательность и благодарность:

– президенту и Совету попечителей Музея Рериха, за их преданную заботу и дружеское участие во время полного опасностей путешествия экспедиции;

– полковнику Ф.М.Бейли, британскому резиденту в Тибете, Сиккиме и Бутане, за ценную помощь во время пребывания экспедиции в Сиккиме и по возвращении из Тибета в 1928 году;

– майору Гиллану, британскому генеральному консулу в Кашгаре, за активное содействие во время наиболее трудного периода в Хотане;

– его превосходительству Луи Марэну, за его неизменно полезную помощь;

– моему учителю, профессору Жаку Бако, который первым раскрыл передо мной древние знания Тибета;

– моему другу, доктору Жоржу Г.Шкляверу (Парижский Университет), за неослабевающий интерес к моим исследованиям и верную дружбу;

– доктору Йоханну ван Манену, Ученому секретарю Азиатского общества Бенгалии, который предоставил в мое распоряжение ресурсы библиотеки Общества в Калькутте;

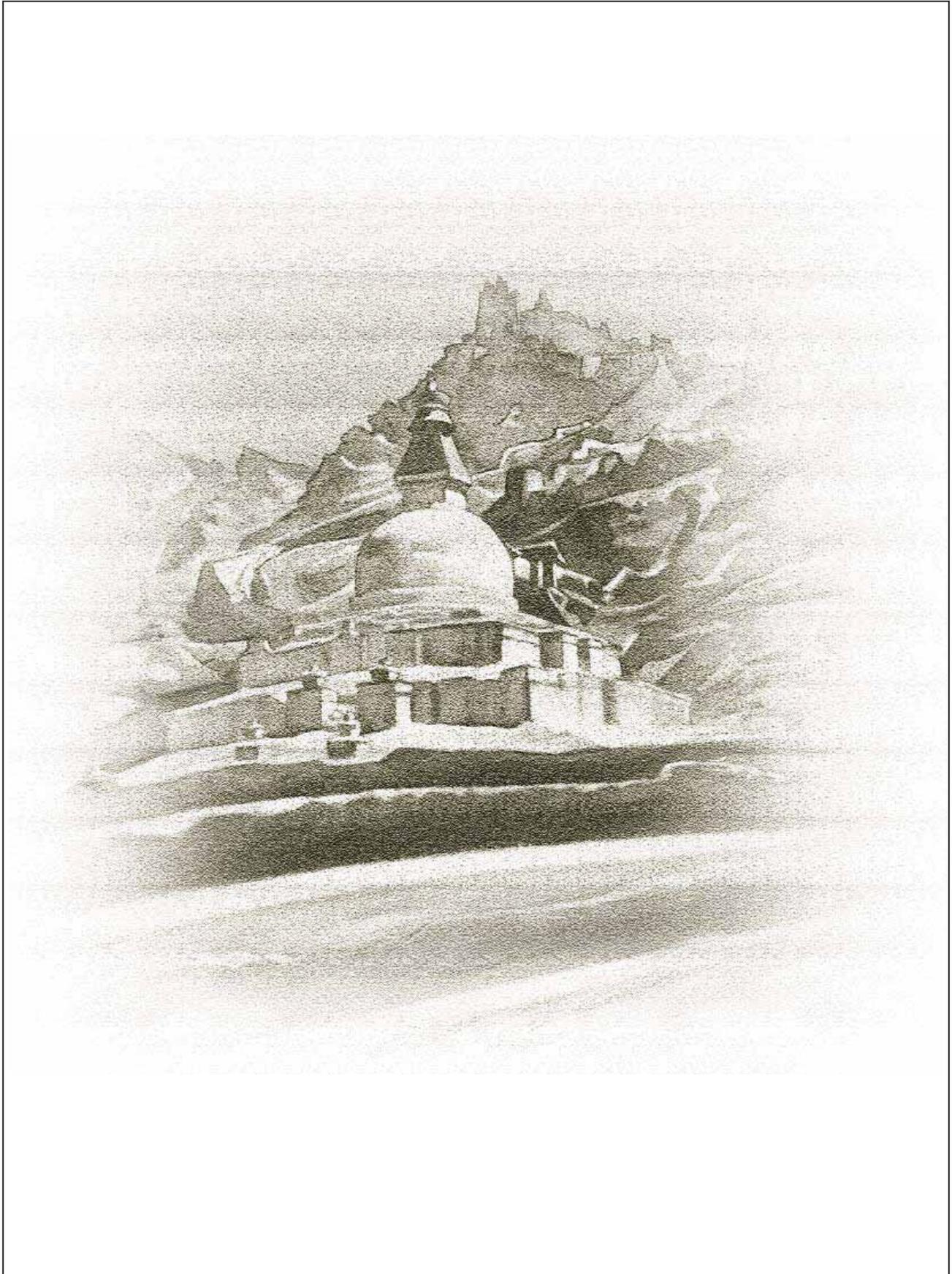
– ламе Лобзангу Мингьюру Дордже, моему учителю и другу, за неутомимую помощь в изучении Тибета.

В конце, но не в последнюю очередь, я хочу засвидетельствовать свое восхищение и признательность всем европейским и азиатским участникам Центрально-Азиатской экспедиции Рериха, которые даже в самых трудных условиях оставались верны своему долгу.

Я посвящаю эту книгу моим Матери и Отцу, которые направляли меня на стезе науки и с самого детства вдохновляли в поисках новых открытий и новых знаний.

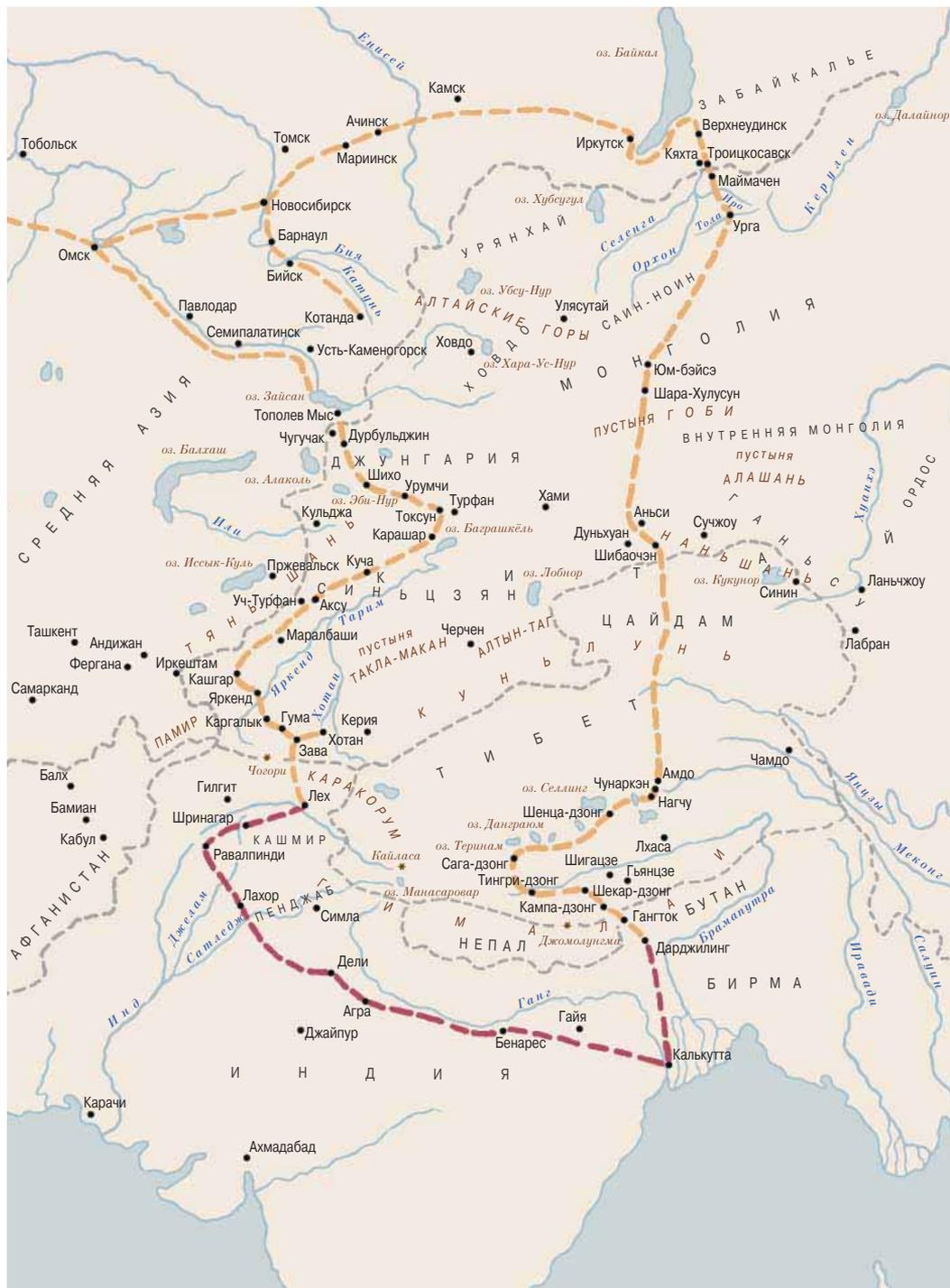
Июнь 1931 г.

Ю.Н.Р.

I

КАШМИР - ЛАДАК

6 марта – 19 сентября 1925 г.

Кашир – Калькутта – Равалпинди – Шринагар – Гульмарг – Сонамарг –
пер. Зоджи – Драс – Каргил – Мульбе – Базго – Лех

III естого марта 1925 года экспедиция покинула горную станцию Дарджилинга, а с нею и гостеприимную страну Сикким. Спуск по поросшим джунглями склонам Восточных Гималаев всегда оставляет яркое впечатление. Тропическая растительность и нескончаемый поток жителей гор, бредущих вдоль проезжей дороги, вызывают у путешественника неизменный интерес. Было уже совсем темно, когда мы доехали до Силигури. Поезд катился по низинной равнине Бенгалии – мимо заросших джунглями заболоченных пространств, этих рассадников лихорадки, и уже затопленных рисовых полей. Сквозь темноту тропической ночи можно было наблюдать незнакомую жизнь, сосредоточенную вокруг мерцающих огоньков разбросанных по джунглям бесчисленных костров, горящих у маленьких деревенских хижин, стоявших повсюду посреди пальм. Около них бесшумно двигались фигуры в белых тюрбанах и дхоти, а на железнодорожных станциях воздух звенел от пронзительных криков разносчиков, торгующих чаем, питьевой водой и сигаретами. Казалось, что все вокруг кипит в непрерывном движении, скрытом под сумрачным покровом ночи.

Ранним утром поезд пришел на большую станцию Силдах. После горного безлюдья Гималаев путешественника неизменно поражает полуевропейский-полувосточный облик города. Улицы Калькутты, с их современными автомобилями, конными экипажами, рикшами, коровами и пестрой толпой пешеходов, – все это сливается в единый поток, в котором удивительным образом смешались Восток и Запад. После жаркого и хлопотного дня в огромном

городе, включая посещение штаб-квартиры Бенгальского Азиатского общества, этого выдающегося учреждения, своего рода памятника благородному сотрудничеству западных и восточных ученых, мы снова сели в пенджабский почтовый поезд, чтобы за долгие двое суток миновать пыльные равнины Северной Индии.

Приближался уже сезон жары, и над горизонтом разливался особенный, ослепительно жгучий свет.

Вечером 8 марта доехали до Равалпинди. За несколько часов пути до этого военного городка поезд пересек засушливую песчано-каменистую местность, прорезанную бесчисленными каньонами. Переночевав в местной гостинице, мы снова продолжили наше путешествие, но теперь уже на автомобилях. В Равалпинди царила та атмосфера боевой готовности, которая свойственна крупному военному поселению. Здесь повсюду видишь людей в форме цвета хаки, а на городском базаре – ту характерную для пограничного района пеструю толпу, в которой среди групп пенджабцев и жителей нижних равнин расхаживают красивые хазарейцы и воинственные патаны с границы.

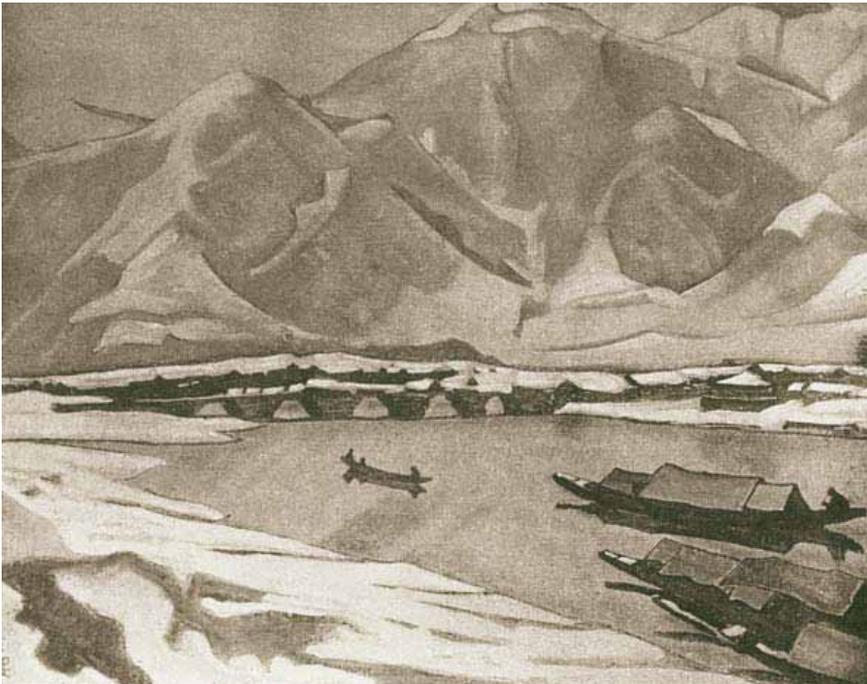
Автомобильная дорога на Шринагар через Мурри уже не раз описывалась, и я не буду особо останавливаться на этой части нашего путешествия. Это одна из красивейших в мире автомобильных дорог, и окружающий ее пейзаж временами просто великолепен. Постепенно подымаясь в гору, у Мурри она проходит на высоте 7000 футов над уровнем моря.

Остановившись на ночлег на постоялом дворе в Гархи, кашмирской деревеньке, расположенной на высоте 2628 футов, вечером мы любовались мусульманским праздником *Бакр-Ид*, когда все местное сельское население приветствовало приход весны. На противоположном берегу реки, на фоне возвышавшихся темных силуэтов гор, размахивая пылающими факелами и образуя огненные круги, по склонам холмов шествовала праздничная процессия. Незабываемая картина индийской весны!

Следующим утром мы очутились в Ури, живописной деревеньке-крепости, расположенной на высоте 4370 футов. Горный пейзаж около Ури был необычайно красив – глубокая синева близлежащих гор оттенялась белеющими то тут, то там пятнами снега. За Ури мы миновали разрушенный храм Бранкутри, напоминавший другие храмы Кашмира периода индийского средневековья. Около полудня проехали через городок Барамулла.

1. Н.К.Рерих. Пир Панзал (Горный хребет в Кашмире). 1925

2. Н.К.Рерих. Барамулла. 1925

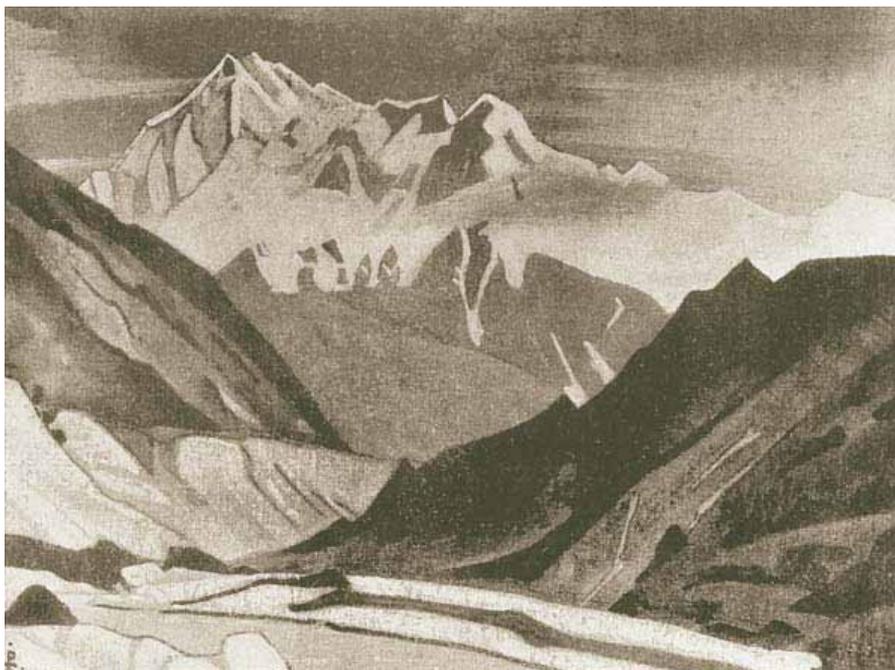
День выдался удивительно ясным, и нам была отлично видна гора Нанга Парбат высотой до 26 900 футов над уровнем моря.

В нескольких милях от города Шринагара проходит одна из красивейших в мире дорог, окаймленная рядами высоких тополей, вокруг которой расстилается знаменитая Кашмирская равнина, опоясанная величественными снеговыми горами.

Около трех часов дня мы въехали в сам город Шринагар, где на нас тотчас накинута пестрая толпа кашмирцев. С пронзительными выкриками, переругиваясь друг с другом, они наперебой предлагали свой товар: кашмирские изделия, дома-лодки, или *шикары*, и другие развлечения Кашмира. Это было довольно жалкое зрелище!

Устроив свою штаб-квартиру в гостинице Недоу, мы сразу же приступили к подготовке к путешествию в Ладак и пустынные пространства Китайского Туркестана, лежащие за высокогорными перевалами Каракорума и Санджу. К этому длительному и трудному путешествию по горам нужно было подготовиться основательно, причем каждую деталь следовало самым тщательным образом проверить лично, ибо путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан через высочайшие горные хребты мира требует крайней предусмотрительности и продуманности. Шринагар являлся последней стоянкой, где можно было завершить все приготовления и запастись продовольствием. Кашмирские ремесленники, которые издавна славятся своим мастерством, изготавливают по указаниям заказчика вполне добротное снаряжение. В городе имеется несколько местных мастерских, где делают превосходную зимнюю экипировку и лагерное снаряжение. Естественно, при этом путешественник должен внимательнейшим образом проконтролировать выполнение своего заказа. Все продовольствие экспедиции мы уложили в *яктаны* – деревянные ящики, обтянутые кожей. Оловянные или железные ящики для путешествия по горам не годятся, ибо они легко бьются.

Зимняя экипировка, рассчитанная на морозную погоду в горах и зиму в Китайском Туркестане, состояла из меховых курток, подбитых *пашиминой*, гилгитских меховых сапог, меховых шапок, меховых носков и меховых спальных мешков. Также мы заказали несколько палаток из водонепроницаемой парусины Виллесдена на теплой подкладке. Палатки эти были специально сконструированы с учетом всевозможных трудностей путешествия и бурь высокогорья. Они имели двойной полог, причем наружный доходил до земли, чтобы порывистый высокогорный ветер не смог проникнуть

3. Н.К.Рерих. Нанга Парбат. 1925

4. Н.К.Рерих. Пир Панзал. 1925

под палатку и поднять ее в воздух. Каркасные шесты были сделаны из толстого бамбука с прочными металлическими креплениями, а колья – из гальванизированного железа.

Кроме того мы решили обзавестись собственными верховыми лошадьми, чтобы не зависеть от не всегда надежного местного транспорта. В Шринагаре имеется хороший конский рынок, где обыкновенно можно купить отличных лошадей яркендской или бадахшанской породы, которые славятся по всей Центральной Азии и незаменимы в длительных путешествиях. Для горных условий годятся также и зангскарские пони, но они, как правило, норовисты и тугоузды. С любезной помощью г-на Недоу, владельца местной гостиницы, нам быстро удалось приобрести шесть превосходных лошадей, на которых мы и дошли от Кашмира до рубежей Алтая.

Отъезд был назначен на начало августа, и оставшееся время мы решили посвятить небольшому путешествию по Кашмирской долине.

Я не буду описывать столицу или долину Кашмира, ибо по этой теме существует многотомная литература, причем памятники древности этого края изучались и комментировались такими учеными, как сэр Аурел Стейн.

Сравнивая красоты природы и единственные в своем роде сады Нишад и Шалимар, разбитые Великими Моголами Акбаром и Джахангиром, с жалкой действительностью современного Шринагара, нельзя не поразиться глубокому контрасту. Мы были рады покинуть эту «индийскую Венецию» и вновь оказаться на открытых просторах прекрасной долины. Наняв большую лодку-дом «Монарх», принадлежавшую приветливому кашмирцу по имени Собра Вангану, мы отправились на небольшую прогулку по озеру Вулар.

Плавание по каналам, ведущим к озеру, не представляло особого интереса – лодка медленно продвигалась вдоль низких берегов узких каналов, вода в которых не всегда была чиста. Большое озеро Вулар лежит в окружении высоких горных массивов, и в ясную погоду на склонах гор играют причудливые тени. Мы причалили в Бандипуре, небольшой деревеньке с несколькими складами, лежащей в изголовье Гилгитской дороги, которая ведет в Кашгар и Таримский бассейн через Гилгит, Хунзу и Сарыкол. На озере мы пережили сильный шторм, во время которого оборвались все бечевы шедшей бечевой тягую лодки, которую чуть было не унесло в открытые воды. В течение нескольких тревожных часов лодочники боролись со штормом. Для большого плавания дома-лодки не годятся, поэтому они никогда не выходят в открытые воды при ветреной погоде. У лодки-*дунга*, на которой

оставались наш переводчик-китаец и слуги, ветром сорвало крышу. Мы были вынуждены прервать свою прогулку по озеру, так как лодочники сочли наше положение довольно рискованным.

Следующий день выдался ясным, и у нас было достаточно времени, чтобы пересечь озеро и войти в канал. Днем снова штормило, но мы уже были вне опасности.

Примерно 15 апреля экспедиция двинулась в Гульмарг, кашмирскую горную станцию. Здесь, в горной прохладе, мы смогли завершить наши приготовления и решить все организационные вопросы предстоящего путешествия. Прибыв на станцию в самом начале весны, когда она еще была покрыта снегом, мы на целую неделю попали в страшную грозу. В горах гремел и грохотал гром, а вокруг нашего дома вились разряды молний, освещавших по ночам всю округу. В течение нескольких дней мы были совершенно отрезаны от внешнего мира, сидя в своих комнатах. Нигде больше нам не приходилось переживать электрическую бурю столь страшной силы. Такие грозы обычно сопровождаются градом, причем некоторые из градин достигали невиданной величины.

В Гульмарге мы провели весь май, июнь и июль. Получив в конце июля все недостающее снаряжение, 8 августа экспедиция двинулась из Гульмарга в Гандербал – в длительное путешествие в Ладак и Китайский Туркестан.

До Гандербала, который является отправным пунктом на Ладакской торговой дороге, довольно удобно добираться на автомобиле. Наш караван состоял из 82 вьючных пони, которым предстояло нести наш груз до Драса на ладакской стороне перевала Зоджи, и их число вызывало известные опасения, учитывая трудности с добыванием корма.

Доехав до Гандербала поздним вечером того же дня, мы увидели, что наши караванчики уже стояли лагерем у постоялого двора, и свет пламени больших лагерных костров выхватывал из темноты лица людей и длинные ряды караванных животных.

На следующее утро, 9 августа, мы поднялись рано, однако были задержаны разгрузкой лодок с продовольствием, доставленным из Шринагара. Обслуживание каравана было для наших людей делом непривычным, поэтому они нуждались в указаниях по любому поводу. Наш старший караванщик, Вахаба Вангану, оказался человеком довольно опытным и выдержанным и крепко держал в своих руках остальных экспедиционных слуг.

5. Шринагар, Кашмир

6. Сонамарг, Кашмир

Из Гандербала весь караван двинулся уже ближе к вечеру. Доехав на автомобиле до деревеньки Нуннер, мы пересели на лошадей и пересекли Синд недалеко от Вайила. Около двух миль, остававшихся до Кангана, мы проделали по правому берегу реки, и эта верховая езда по цветущим лугам оставила исключительно приятные впечатления.

Канган оказался маленьким селением с большим бунгалом, в котором мы встретили несколько путешественников. Маршрут из Кангана в Балтал у подножья перевала Зоджи был уже не раз описан, поэтому я ограничусь всего лишь несколькими замечаниями.

Лехская торговая дорога стала доступна для мирных караванов благодаря усилиям отряда полковника Дуранда в 1891 году. Штат Кашмир весьма заинтересован в этом пути, поэтому с транспортом и продовольствием здесь полный порядок. По всей дороге на разных этапах пути стоят государственные склады с зерном и вместительные караван-сарай – постоянные дворы для торговых караванов.

До Балтала мы шли через Гунд и Сонамарг, место летней стоянки многих путешественников-европейцев. До самого Сонамарга нам сопутствовала ясная погода. В Гунде пришлось пережить неприятности с нашими лошадьми, лишь по счастливой случайности не окончившиеся для них фатально. Дело в том, что на всем пути от Гандербала до Балтала растет ядовитая трава, которая на местном наречии называется *гумаи*. Местные лошади никогда к ней не притрагиваются, тогда как пришлые часто кормятся ею и погибают. По недосмотру наших конюхов четыре самых лучших коня кормились этой травой и к вечеру легли. Мы выхаживали их как могли, однако состояние их быстро ухудшалось, все местные средства оказались бесполезны. В конце концов мы решили дать им хорошую дозу бикарбоната соды. Результат оказался поразительным. Уже на следующее утро все четверо животных были в полном порядке и смогли продолжить переход в Сонамарг.

На своем пути в Сонамарг мы встретили первую группу ладакцев, шедших в Шринагар. Все они были одеты в типичную для простых тибетских жителей одежду из серого дмотканого полотна. Вскоре после нашего приезда в Сонамарг, расположенный на высоте около 8 600 футов, начался проливной дождь, который продолжался всю ночь, поэтому мы вынуждены были оставаться в бунгаломе при почтовой станции все утро и двинулись в путь лишь около двух часов дня, когда дождь немного поутих. Хотя Сонамарг и пользуется славой одного из привлекательнейших мест в Кашмире, его

природа не произвела на нас особого впечатления. Мы увидели лишь красивые цветущие луга, окруженные со всех сторон сосновыми лесами, тогда как близлежащие горы скрывались за плотной пеленой тумана и облаков, висевших над их вершинами.

Тропа была скользкой, и для наших вьючных животных наступило тяжелое время. После трехчасового перехода караван добрался до Балтала, раскинувшегося посреди смешанных березово-сосновых лесов. Бунгало было занято приезжими из Шринагара, и мы развернулись лагерем на красивом лугу за постоялым двором.

Под вечер снова зарядил дождь, который шел всю ночь. Ранним утром пришедшая с перевала группа балтистанских погонщиков пони сообщила об оползне в горах. Это неприятное известие означало, что нам придется на день задержаться в Балтале и нужно отправить людей на расчистку дороги от завалов. Мы отправили к перевалу нашего главного *шикари* Саттар-хана вместе с десятью погонщиками пони с лопатами, чтобы привести тропу в порядок. К полудню дождь зарядил с новой силой, и такая ненастная погода стояла до самого позднего вечера. Все промокло насквозь, и нам пришлось принять особые меры, чтобы сохранить сухими ящики с запасом продовольствия. К вечеру наши люди вернулись и доложили, что дорога расчищена, однако существует угроза схода оползней в других местах, если дождь продолжится. К счастью, под вечер он прекратился, и в пять часов утра небо было восхитительно чистым.

Двинувшись в путь около шести утра, мы медленно взойшли на перевал. Поздним летом или осенью подъем на перевал Зоджи не представляет особых трудностей, однако зимою он опасен и возможен только для людей. Поэтому на всю зиму и раннюю весну всякое движение здесь прекращается, и путешественнику приходится платить особую сумму тем кули, которые согласятся рисковать жизнью на седловине перевала, когда его сглаженные лавинами склоны покрыты снегом и льдом, готовыми в любое время сойти и увлечь путешественника в пропасть.

Путь через Зоджи-ла был известен еще издревле. Первое упоминание о нем принадлежит китайскому паломнику У Куну, который посетил Кашмир между 751 и 790 годом и сообщил о пути в Тибет через перевал Зоджи¹.

¹ См.: *Chavannes Ed. and Levi S. L' Itineraie d' Ou k' ong // Journal Asiatique. 1895. Pp. 341–384; Stein A. Ancient Geography of Kashmir // JASB. № 68. 1899. P. 93.*

В прошлом этот перевал был свидетелем многочисленных вооруженных столкновений. В XIV веке здесь прошли тюрки, а вскоре после них – ладакский князь Ринчен, вторгшийся в Кашмирскую долину¹. В 1532 году в долину Кашмира вступил со своим войском известный мирза Мохаммед Хайдар, который успешно сражался у этого перевала².

Перевал Зоджи (11 300 футов) имеет еще и другое название – Дуйшила. Согласно преп. д-ру А.Х.Франке³, название это является краткой формой имени богини Дуйши Лхамо, супруги *сиддхи* Наропы. По преданию, которое приводит д-р Франке, Наропа бросил свою супругу из-за ее характерного кашмирского запаха. В негодовании богиня отвернулась от Ладака, и оттого Ладак стал засушлив, а Кашмир превратился в зеленеющую долину.

Если дорога из Гандербала в Балтал пролегла через типичную для Кашмира гористую местность, с хорошо орошаемыми склонами холмов, получающими обильное количество осадков и покрытыми роскошными лугами и сосновыми лесами, то за перевалом Зоджи ландшафт принимал совершенно иной характер. Теперь мы вступали в типично тибетскую горную область. С обеих сторон высились пустынные каменные гряды, а между ними лежала широкая нагорная равнина, покрытая галечником и редкими пастбищами.

На девятой миле, в Митсахое, мы сделали часовую остановку, а затем продолжали двигаться в направлении к широкой равнине, где находился постоялый двор Матайана. Погода хмурилась, над горными вершинами повисли тяжелые серые тучи. Последние шесть миль до Матайана шли под проливным дождем, по размокшей и скользкой тропе, и были рады добраться наконец до постоянного двора и устроиться на ночлег.

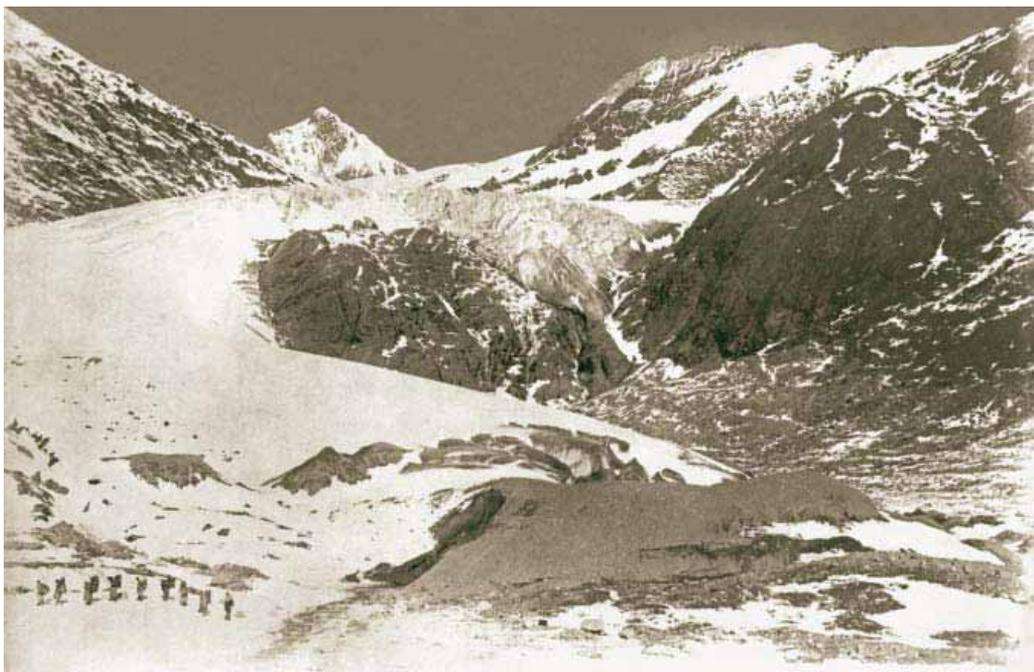
На следующий день продолжился переход к Драсу. Проехали через деревеньку Пранд, где увидели лишь несколько окруженных ячменными полями усадеб, похожих на небольшие крепости. Через час езды от Пранда мы вступили в открытую долину Драса.

Фактически, Драс – это несколько деревенок, разбросанных по широкой долине, орошаемой рекой Драс, которая течет на высоте около 10 000 футов над уровнем моря и по-тибетски называется Хембабс. Местное население

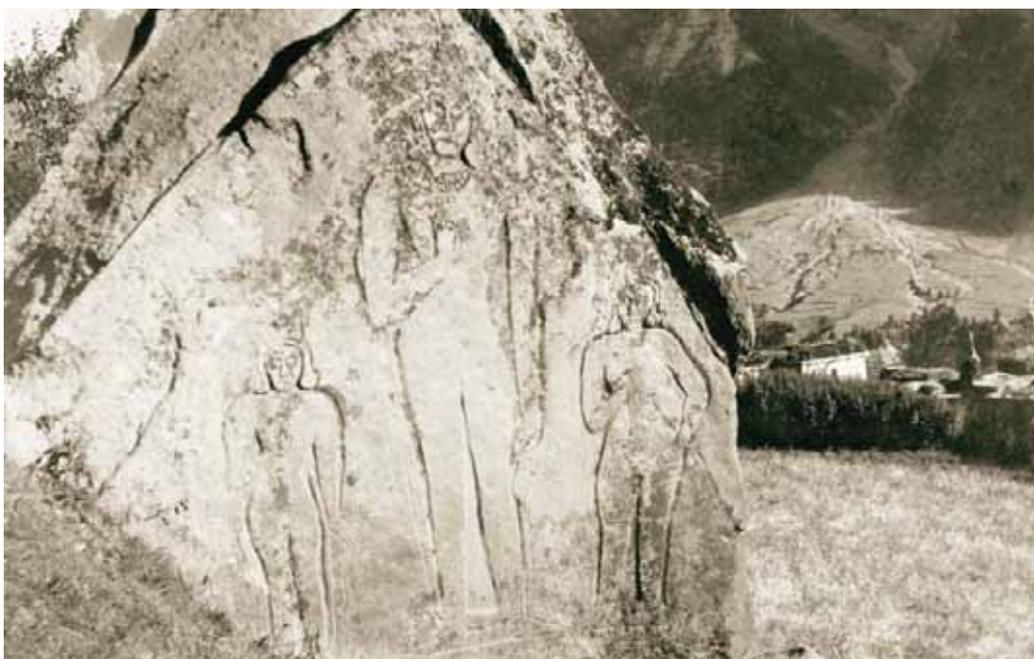
¹ Francke A.H. A History of Western Tibet. London, 1907. Pp. 68 ff.

² Tarikh-i-Rasidi. Tr. Elias and Ross. Pp. 423 ff.

³ Francke A.H. Antiquities of Indian Tibet. Vol. I. New Delhi, 1926. P. 107.

7. Перевал Зоджи-ла. Гималаи. Август 1925 г.

8. Майтрея с предстоящими. Наскальный рельеф. Драс

составляют дарды и балтистанцы. Около бунгало стоит современный форт Догра. По всей долине и у подножий холмов разбросаны развалины нескольких старых крепостей.

Основным предметом моего интереса в Драсе были буддийские наскальные изображения, обнаруженные на обочине дороги за деревьями. Всего их четыре, они были описаны сэром Александром Каннингемом, принявшим их за изображения женских божеств, а также д-ром Франке, который дал верное их описание в своем монументальном труде «Antiquities of Indian Tibet»¹.

На первом небольшом камне с изображением всадника запечатлен, вероятно, местный раджа, который воздвиг два изображения бодхисаттв, как об этом сообщает надпись письмом шарада на обратной стороне камня. На соседнем камне изображен бодхисаттва Майтрейя. Бодхисаттва представлен стоящим, облаченным в одежды *раджакумары*, или царственного принца. В поднятой правой руке он держит четки, а левой поддерживает сосуд-*бумпа*. На голове его диадема (*мукута*). Ниже главной фигуры можно видеть изображения предстоящих. В правом углу камня имеется надпись письмом шарада, к сожалению, очень сильно поврежденная.

Мною уже отмечалось в печати², что культ Майтрейи был связан с распространением махаяны. Знаменательно, что изображения бодхисаттвы Майтрейи встречаются по всему караванному пути Кашмир–Ладак, а также вдоль других караванных дорог Центральной Азии.

На третьем камне изображен бодхисаттва Авалокитешвара с двумя спутниками. Над головой одного из них д-р Франке обнаружил сильно поврежденную надпись. На четвертом камне изображен цветок лотоса. Все эти изображения д-р Франке датирует приблизительно X веком. Будучи несомненно связанными с приходом буддизма в княжества, лежащие на крайнем западе Тибета, они вполне могут принадлежать и к IX веку.

В Драсе мы должны были обновить свой транспорт, что потребовало долгих переговоров с местными старшинами, отвечающими за обеспечение путешественников грузовыми животными. Этот транспорт всегда готов к их услугам благодаря превосходной организации сменной службы на Ладакской дороге, однако в нашем случае требовалось не менее 70 вьючных животных, что явно превышало возможности малочисленного придорожного

¹ Francke A.H. Antiquities of Indian Tibet. Vol. I. Pp. 105 ff.

² Roerich G. Tibetan Paintings. Paris: Geuthner, 1925.

населения. Тем не менее к вечеру все было улажено и во двор бунгало стали пригонять вьючных лошадей и *дзо* (помесь яка и коровы).

На следующее утро мы прошли через общепринятый «ритуал» распределения наших грузов среди караванных погонщиков старшинами. Во дворе столпились мужчины в черных тюрбанах, и погрузка как обычно сопровождалась громкими криками, а иногда и перебранкой. Однако следует отдать должное ладакцам и балтистанцам за удивительно быструю погрузку.

За Драсом тропа огибала ячменные поля, обнесенные низкими каменными оградами, и спускалась к реке с таким же названием. Далее на нашем пути стояла деревенька Дундельтанг, ставшая сценой для разыгравшейся здесь недавно трагедии. По дороге в Ладак в этом месте пропал американский путешественник, г-н Лэнгдон, тело которого впоследствии было найдено и погребено на скромном европейском кладбище в Лехе.

За Дундельтангом долина сузилась, и мы пошли левым берегом реки, несущей свои воды по живописному ущелью. К вечеру добрались до Шимша Кхарбу, где и устроились на ночлег на уютном постоялом дворе, стоявшем в ивовом саду. Над бунгало возвышались руины замка, принадлежавшего когда-то султану Кри из Сода, местечка около Каргила. В Шимша Кхарбу уже заметно больше ладакцев.

В *сераи*, примыкавшем к бунгало, мы встретили небольшой караван яркендских торговцев и несколько паломников из Кашгара, держащих путь в далекую Мекку. Со времени мировой войны большинство паломников добираются туда сперва через высокогорные перевалы Каракорума, затем через Бомбей и далее морем. Во время странствия многие гибнут, но большинство возвращается, занимая почетное место в своих общинах.

В Донгга, расположенном между Шимша Кхарбу и Чанигундом, мы видели валун с изображениями горных козлов, стрелков из лука и свастики. Подобные наскальные рисунки, широко распространенные по всему Ладаку и соседним горным областям, встречаются вплоть до Санджуского оазиса, на северной стороне перевала Санджу. Они относятся к памятникам первобытной религии Тибета – поклонения силам Природы, обычно называемой *бон*¹. Горный козел широко представлен также и в древнем культе огня у монголов и связан с идеей плодородия. По всей видимости, эти наскальные

¹ Такой камень был воспроизведен А.Франке в *Antiquities of Indian Tibet* (Vol. I. P. 44).

рисунки восходят к тем отдаленным временам, когда существовала общая религия для всей Внутренней Азии.

Совершив следующий переход, мы очутились в процветающей городке Каргиле, последнем крупном поселении в районе Дарда. На пути к нему перешли через реку Суру по прочному висячему мосту у Кхарала, где отходит дорога на Скардо, и далее шли берегом реки.

Каргил расположен на обширном плато. На аллювиальных склонах, постепенно понижающихся к реке, применяется искусственное орошение. Этот городок является столицей провинции Пуриг, население которой состоит из тибетцев, принявших ислам. На его улицах, запруженных пестрой толпой торговцев и покупателей местного рынка, можно встретить крепких, красивых яркендцев, жителей Гилгита и Хунзы, а также невысоких, широкоплечих ладакцев в домотканой одежде, погоняющих табуны лошадей и ослов. Здесь же и кашмирцы с орлиными носами и огненно-рыжими бородами, торгующиеся с дардами в черных тюрбанах и горцами из Скардо.

Достопримечательностью города является замок догров, возведенный уже в нынешние времена; чуть севернее Каргила, в Соде, находится еще один замок, но у нас уже не оставалось времени на его посещение.

Наши поиски нужного количества грузовых животных были сопряжены с некоторыми трудностями. Все имеющиеся в распоряжении были реквизированы большим торговым караваном, и нам пришлось потратить несколько часов на то, чтобы уладить это дело. В конце концов небольшой караван ладакцев согласился отдать нам внаем своих животных до следующей стоянки.

Следующая часть нашего маршрута была переходом из Дардистана в буддийский Ладак. За Каргилом дорога пролегла по широкому песчаному плато, и после двухчасовой езды мы добрались до большого селения Пашкьюм, которое в прошлом было свидетелем победоносного набега догров. За этим селением дорога нырнула в узкое ущелье в песчаниковых скалах, по которому мы вышли к Шаргола, где встретили первых буддистов. У этой деревни долина неожиданно расширилась, и целый ряд *чортенов*, или *стун* (культовых сооружений), возвестил о вступлении в буддийское царство Ладак.

Деревня Шаргола оставила свой след в истории этого края. По преданию, здесь родился один из министров тибетского царя Сонгцэна Гампо –

Лонпо Ригпачан. Его дом, стоящий у моста, показывают и поныне. Рядом с деревней находится пещерный монастырь, представляющий большой интерес. Местная традиция приписывает строительство этого монастыря двум местным правителям, Тогдэжо и Янгдэжо¹.

Последние три мили пути от Шаргола к Мульбе мы шли необычайно красивой местностью, в окружении четких силуэтов незыблемых горных громад. Деревенька Мульбе приютилась у подножья скалы, на которой стоит небольшой ламаистский монастырь Мульбе. На ночлег мы устроились на постоялом дворе, расположенном неподалеку от деревни.

Мульбе и ее памятники древности уже были тщательно изучены и описаны д-ром Франке, выдающимся исследователем памятников древнего искусства Западного Тибета. Результаты своих изысканий он изложил в научной статье «The Rock Inscription at Mulbe»².

Мульбе славится старым дардским замком, двумя монастырями и несколькими интересными надписями, найденными на скале, на которой стоит один из монастырей. Однако главной достопримечательностью Мульбе является колоссальное каменное изображение Майтрейи. Впервые обнаруженное и описанное Муркрофтом в 1820 году³, оно представляет собой стоящего Бодхисаттву высотой до 20 футов. Бодхисаттва облачен в одежды индийского аскета со священным брахманским шнуром, который отличает образы бодхисаттвы от женских божеств в подобных одеяниях. Трудно сказать что-либо определенное относительно датировки этого изображения, которое явно носит чисто индийский характер и как произведение искусства занимает выдающееся место среди каменных скульптур Ладака. Местное предание относит его ко времени великого *лоцавы* («переводчика») Ринчэна Сангпо (Ратнабхадра, 964–1054). Я склонен считать, что это близко к истине и что каменное изображение восходит к X–XI веку. Нижняя половина статуи закрыта небольшим храмом-*лаханом*, построенным Вазир Соднамом, местным землевладельцем. В храме служит пожилой священник, который совершает подношение в виде цветочных гирлянд и масла *гхи*. Перед статуей на низком алтарном столике горит жертвенный светильник. Стены храма украшены росписями, изображающими «восемь великих сынов *Ньевы*», которые, как

¹ См.: *Franke A.H.* Antiquities of Indian Tibet. Vol. I. Pp. 103 ff.

² См.: *Indian Antiquary*. XXXV. Pp. 72 ff.

³ См.: *Moorecroft V.* Travels in Himalayan Provinces of Hindustan and Punjab. Vol. II. London, 1841. P. 17.

9–10. Майтрейя. Наскальный рельеф. Мульбе, Ладак

11. Богиня Друккар
Монастырь Зангскар, Ладак

12–13. Ступы. Ладак. Август–сентябрь 1925 г.

считается, высекли это изображение. Хранитель принадлежит к старому роду астрологов, и, как говорят, это занятие передается по наследству¹.

Снаружи изображение Майтрейи скрывается за деревьями и храмом, но при входе в помещение колоссальная статуя неожиданно предстает перед взором, и это сильное впечатление надолго остается в памяти у всех, кто побывал здесь.

Из святилища мы направились к дому местного землевладельца, который возвел храм Майтрейи. Построенный несколько выше дороги, он представлял собой типичный тибетский дом старого уклада – со стойлами для лошадей и помещениями для слуг на первом этаже и жилыми покоями на верхнем. Мы застали его вдову в домашней молельне, где она совершала ежедневный обряд за упокой души усопшего супруга. Богатые тибетские семьи очень часто тратят значительные суммы на поминовение своих покойных родственников, делая крупные пожертвования монастырям, в которых должны молиться о спасении и скорейшем перевоплощении умерших. Вдова покойного землевладельца Мульбе наняла ламу, который проводит все дни, бормоча молитвы и ритмично постукивая в свой барабанчик.

В молельне хранились глиняные и латунные изображения Шакьямуни, Учителя Падмасамбхавы и Тары-Спасительницы, и, помимо этого, несколько снимков настоятеля-*кушока* монастыря Хеми, Таши-ламы из Цанга и лхасского Далай-ламы.

На плоской крыше дома домашняя прислуга молола ячмень и выжимала растительное масло.

Посетив дом землевладельца, мы поднялись по крутой скале к монастырю, стоящему на ее вершине. Это был очень маленький храм традиционной тибетской архитектуры, помещавшийся на небольшой огороженной территории, в котором служил пожилой священник. Внутри храма стоял алтарь с изображением Падмасамбхавы из позолоченной глины, а вдоль его стен разместилась скромная библиотека, содержащая 16 томов *Праджняпарамиты*. Монастырь принадлежал секте *дугна*, которая относится к ньингмапе, дореформенной школе тибетского буддизма.

Возвращаясь из монастыря, мы исследовали надписи, высеченные на поверхности скалы. Среди них были эдикт царя Бумдэ и свадебное поздравление царю Джамъянгу и его супруге.

¹ См.: Francke A.H. A History of Western Tibet. P. 102.